

"Ты не можешь иметь души - ты и есть душа. Ты можешь иметь только тело"

(C.S. Lewis)

К несчастью, между Азкабаном и одиноким домом под номером 12 на Площади Гриммо действительно было слишком много общего.

Конечно, многие сочли бы такое заявление, в лучшем случае, жалким нытьем, а в худшем – крайним лицемерием. В конце-концов, как можно сравнивать ветхий дом, хоть и похожий на типичный мрачный особняк из маггловских фильмов ужасов, с самой жуткой тюрьмой для волшебников в мире? Тюрьмой, которая одна из немногих(если подобные ей вообще существуют), не может оставить прежними ни жизнь, ни тем более разум? Хотя, небольшое отличие между этими зданиями все же есть: пока заключенные в Азкабане по кусочкам теряют души в маленькой, темной, грязной, безрадостной клетке, трехэтажный дом на Площади Гриммо с радостью ждет и встречает в своих просторных комнатах уставших и унылых гостей.

Но даже этот факт не может нарушить их схожести: во всем доме не нашлось бы ни одного малейшего угла, обитать в котором было бы веселее, чем в тюремной клетке. Потемневшие от времени, местами отходящие от стен обои, торжественный ряд картин из отрубленных голов эльфов и блеклая, потертая мебель, - достойные образцы «веселых» и «привлекательных» декораций родового гнезда Блэков. В то время, как Азкабан был знаменит некоторыми из самых гнусных существ, когда-либо обитавших на Земле, великолепный дом на Площади Гриммо мог похвастаться собственными экземплярами коллекции злобы и ужаса: один из них - эльф-домовик, бесцельно бродящий по дому, постоянно бормочущий о предателях крови, поганных грязнокровках и отвратительных, мерзких хозяевах, второй - портрет старой, жестокой, давно умершей сумасшедшей ведьмы, проклинавшей людей, имевших честь не опускаться до ее выдуманных «высоких» стандартов. Иными словами, - проклинавшей всех.

Возможно, думать так о своей матери немилосердно, но Сириус Блэк считал, что это, по крайней мере, честно. К тому же, жизненные обстоятельства вымотали его настолько сильно, что после длительного заточения в Азкабане оправдание недостойных родственников рисковало стать самым бессмысленным занятием из всех возможных. Вся его семья, в большинстве своем не присоединившаяся к Пожирателям Смерти, имела убеждения, близкие убеждениям Волан-де-Морта и его веселой компании ополоумевших магов. Иметь дело с членами семьи Сириуса было так же здорово, как иметь дело со стаей голодных акромантулов (и так же эстетически приятно). К сожалению, обстановка родового гнезда Сириуса вполне соответствовала ценностям его семьи – этот дом никогда не был подходящим местом для взросления, особенно для человека, который не был склонен к поддержанию семейных идеалов.

Солнце плавно уходило на запад, окрашивая стены комнаты в мягчайшие пастельные оттенки: желтый, оранжевый и розовый цвета, причудливо перемешиваясь, создавали живую атмосферу в мертвом доме, ярче которой в любое другое время суток было бы невозможно найти. Эта

комната была немаленькой по размерам и, как любая другая в его доме, отдавала затхлой невзрачностью. Обои в местах, где они не совсем еще отошли от стен, полиняли и посерели, сумев вдохновить Сириуса лишь на содрогание от первого взгляда, брошенного на них. Однако было в этом помещении некое смягчающее взор обстоятельство – здесь обитал его верный друг Клювокрыл - гиппогриф, которого хозяин дома ценил так же высоко, как себя самого.

Вздыхнув, Сириус потрепал спящего гиппогрифа по голове и откинулся в кресле. Он никогда не любил этот дом и не помнил, чтобы заходил в спальню матери больше двух или трех раз, когда еще был подростком. И даже в те немногие разы комната уже разлагалась, как разлагался весь дом – сгорал дотла как гордая история семьи, разрушавшейся вместе с ним. В прошлом семья Блэков была одной из самых уважаемых и влиятельных семей Британских волшебников. Их судьба не изменилась в одночасье, но, хоть многие члены семьи и не были согласны с его мнением, Сириусу было очевидно, что падение Блэков началось, когда его предок Антарес Блэк принял решение встать на темную сторону. Более четырех столетий члены династии Блэков посвящали свои жизни становлению темного имени, используя былую мощь до ее полного истощения, в то время как семья погибала, поддерживая сомнительные действия, приводившие к возникновению Чистокровного зла. И сейчас Сириус остался единственным, кто носил имя одной из самых сильных династий, - все три его кузины, одну из которых не признавала семья, вышли замуж и носили другие фамилии.

И, хоть он не желал признаваться в этом самому себе, Сириус с горечью осознавал, что многовековые сношения родственников друг с другом внесли не последний вклад в падение династии. Живым примером тому являлась его мать, в девичестве носившая фамилию... Блэк. Она была кузиной его отца, Ориона. Таких случаев в истории его семьи было больше, чем достаточно, поэтому Сириус пришел в настоящее отчаянье, когда понял, что последствий столь тесных браков можно избежать, только избежав самого вступления в брак. Разорвав круг порочных наклонностей и близкородственных связей, он надеялся изменить судьбу всей семьи и дать своим детям более счастливые условия для взросления, чем те, в которых рос он сам.

Сириус горько хмыкнул, отчего его верный товарищ приоткрыл злобещий глаз, бросив в Бродягу немой упрек, а затем закрыл его, снова целиком погружаясь в матрас. Шалости напарника прошли в значительной степени незамеченными из-за того, что Сириус усиленно всматривался в стены комнаты его матери. Одинокая соленая капля тихо скользнула вниз по колючей щеке, ведомая сожалением о пути, которым пошла его жизнь. В ней было столько надежд, столько ожиданий и устремлений... И все это осыпалось прахом.

Он до сих пор помнил мечты небольшой группы студентов-мальчишек, мечты, которые теперь не имели ни единого шанса на их претворение в жизнь. Их сыновья (ну конечно, первенцами Мародеров были бы только мальчишки) могли бы играть вместе, в конце-концов просто захватив Хогвартс штурмом, продолжив традиции своих отцов в нелегком бремени розыгрышей, шалостей и вражды с горячо ненавидимыми слизеринцами. Их семьи становились бы все ближе и ближе, объединившись в мощнейшую группу волшебников, способных изменить и уравнивать всех людей, сделав мир лучше.

И где они теперь? Петтигрю, жалкий предатель, превратившийся из лучшего друга Сириуса в его самого ненавистного врага; Римус, постаревший раньше времени из-за скорби о жизни, которую он прожил; Сириус, проводивший большую часть своей взрослой жизни в одном из филиалов ада на Земле за преступление, которого не совершал; и Джеймс, умерший 14 лет

назад... они потеряли все. Сгорели, как все их мечты о будущем.

Джеймс – Мерлин, как он скучал по Джеймсу! Мародеры были по-настоящему близки своей тягой к озорству и приключениям, хоть Питер всегда был чужим среди них. Но Джеймс и Сириус были друг другу как братья, и даже больше, если вспомнить о взаимоотношениях Сириуса с его настоящими братьями.

Редкая гостья – улыбка – озарила черты его лица, Сириус вернулся воспоминаниями в первый день, когда он встретил Джеймса. Как и полагается одиннадцатилетнему мальчишке, Сириус был немного напуган перспективой выхода в большой мир, но, как ни парадоксально, он в равной степени боялся остаться в доме, который, по безумной иронии судьбы, являлся его родовым гнездом. Закрытый в мире, который выстроили его родители, Сириус, однако, был уверен в том, что едкие догмы о чистоте крови, столь часто лившиеся из уст матери, никогда не приживутся к его характеру, хоть его кругозор и не выходил за пределы его дома, родительских друзей и нескольких приятелей среди их детей.

Встретив Джеймса, Сириус сразу понял, что этот вихрастый мальчишка может оказаться серьезным противником идеологии семьи Блэков, но был моментально очарован уверенностью своего нового друга и его обезоруживающей харизмой. Даже в столь юном возрасте в Джеймсе хорошо читалось присутствие особенного характера – такого же, который теперь, много лет спустя, легко проглядывался и в его сыне (после некоторых размышлений Блэк пришел именно к такому выводу). Джеймс и Сириус мгновенно подружились, едва столкнулись в Хогвартс-Экспрессе, и к тому моменту, когда они стояли в древнем зале величайшей школы, Сириус уже понял, сколько всего он потерял в молчаливых и ненавистных стенах своего родового гнезда.

Распределяющая Шляпа рассмотрела сильные качества Сириуса, сразу обратив внимание на значительную храбрость мальчика, способного противостоять леди Вальбурге Блэк. Мало того, что Сириус стал чуть ли не единственным, за исключением Нимфадоры Тонкс, членом семьи, распределенным не в Слизерин (даже его двоюродная бабушка Дореа, бросившая вызов своим родителям и вышедшая замуж за Чарльза Поттера, училась на змеином факультете), но даже Нимфадора не обладала смелостью, достаточной для того, чтобы быть отправленной в самый-ненавидимый-в-мире Гриффиндор. Факультет, намертво обвитый вышеупомянутыми Поттерами, предателями крови и давними врагами дома Блэков. Спустя несколько дней после распределения он получил обратную связь от матери, ответившую на это событие потоком Громовещателей с обличительной речью и бесконечными депешами Директору Хогвартса с указанием на ошибку Шляпы. Его родители даже совершили каминное путешествие до Хогвартса, требуя от Директора повторить процедуру распределения, чтобы их первенец ушел с факультета «предателей крови» и вернулся на свое законное место – факультет для всех «правильных чистокровных волшебников». Злоба и гнев его матери на Дамблдора, отказывавшего в ее требовании, были довольно громкими и продолжительными, но, к облегчению Сириуса, Директор остался непреклонен, утверждая о безошибочном чутье Шляпы и об отсутствии факторов, делающих положение студента-первокурсника на Гриффиндоре неприемлемым.

Клятвенно утверждая, что ее сын стал предателем семьи, Вальбурга была вынуждена уйти из школы ни с чем, но только после того, как в гневной форме запретила Сириусу приезжать домой на Рождественские праздники:

- Ты можешь остаться на факультете предателей и трусов, если это для тебя так много значит, - сказала она ему. - Но в моем доме тебе нет места.

Даже спустя столько времени, Сириус с легкостью мог вспомнить ее точные слова, выражение сумасшествия в глазах, плевок, который вылетел из ее рта с пеной в уголках, и холодный, строгий взгляд отца, смотревшего на своего сына свысока в течение всего времени пребывания в замке.

Нынешний Сириус усмехнулся, вспоминая контраст между постоянно ругавшейся в тот день матерью и отцом, овеванным укоризненной тишиной. На самом деле, его отец, суровый, сухой мужчина, редко повышал голос и разговаривал с сыном в какой-либо другой манере. Блэк-младший до сих пор не был уверен, был ли характер отца выбран им самим или продиктован необходимостью, но подозревал, что Орион Блэк был довольно ярким примером последствий кровосмешения. И, на самом деле, в его личности не было ничего запоминающегося.

В результате, отреченный от собственной семьи, маленький Сириус мог бы запросто сломаться, если бы не его новый друг Джеймс. Быстро разобравшись, в чем дело, Джеймс отправил письмо своим родителям, через несколько дней получив приглашение для Сириуса разделить с Поттерами Рождественские каникулы. С того дня Джеймс и Сириус были неразлучны, став друг другу настоящими братьями по духу, о которых всегда мечтал Джеймс и сам Сириус, никогда не испытывавший похожих чувств по отношению к собственному брату, Регулусу.

Конечно же, господин Поттер казался более отдаленным, и его характер распознать было сложнее, чем характер его сына (что неудивительно, поскольку этот пожилой мужчина испытывал враждебность к семье Блэков всю свою жизнь). Но когда Сириус все же узнал его, отец Джеймса неким подобием приемного отца для самого Сириуса. В некотором смысле, отец Джеймса был ответственным за то, что Сириус вырос таким же, как его собственный сын, и за то, что Блэк стал востребованным выше, чем его собственный отец или кто-либо из семьи, учитывая тот факт, что Сириус повернулся спиной к складывавшимся веками политическим и философским традициям его семьи. Хотя Сириусу время от времени предлагали вернуться домой (в основном в попытках убедить его в выборе «неправильного пути») с момента его признания в обществе, он проводил большее количество времени с семьей Джеймса, окончательно отрекшись от собственной в шестнадцать лет. Его отец умер спустя год после того, как Бродяга отучился в Хогвартсе, а мать последовала за ним спустя пять лет. И несмотря на то, что Сириус был отвергнут собственной матерью, его отец нелепо скрывал этот факт от общественности, осознавая, вероятно, что младший сын Регулус недолго продержится в мире живых, будучи фаворитом Темного Лорда (Орион, как ни прискорбно, оказался прав). Когда Сириус был заточен в тюрьме за преступление, которого не совершал, к нему перешли его права законного наследника Блэков. Но если бы отец своевременно обнародовал отречение Сириуса от семьи, ближайшим наследником Блэков по мужской линии стал бы Драко Малфой, значительно повысив богатство, именитость и престиж тогда еще молодой семьи Малфоев.

Портрет его матери, висевший в прихожей старого дома, был помещен там, чтобы мучить Сириуса снова и снова. Когда Блэк вернулся домой после побега из Азкабана, мать похвалила его за конечный «правильный выбор» и предательство «ужасных Поттеров» в пользу законного Лорда, ее злое и брезгливое лицо светилось от радости, появившейся после смерти лучшего друга Сириуса. Он мог поклясться, что в его ушах до сих пор звенел крик матери,

поднявшийся, когда он с неприкрытым презрением в голосе сказал ей о том, что не предавал своих друзей и что поступок, которому она воздавала хвалу, - низший из самых отвратительных деяний, которые можно совершить. Одно только воспоминание о ее гневе озарило его лицо улыбкой - он наконец-то устроил хорошую взбучку старой карге, морально уничтожить которую мечтал почти всю свою жизнь.

Воспоминания о своеобразной травле матери были забавными, но Сириус не мог долго концентрироваться на них, снова и снова возвращаясь мыслями к потерянному другу, и меланхолия, ставшая его постоянной спутницей, снова проникла в его душу. Смерть Джеймса оставила в его душе дыру, все еще болевшей подобно зияющей ране, даже сейчас, по прошествии более тринадцати лет. И он не оставлял надежды залечить эту рану с помощью сына Джеймса - его собственного крестника. Когда-то имя Сириуса было чистым, и он мог бы стать опекуном Гарри, но все снова пошло не так.

Сириус горько проклинал себя за ошибку - если бы он подумал о том, чтобы обезвредить и связать Петтигрю до момента его передачи в соответствующие органы, дождавшись, что эта крыса, наконец, пожнет плоды своих гнусных действий, сейчас все было бы по-другому. Когда выяснилось, что крыса жива, Сириус был уверен в том, что Визенгамот наконец предаст ее под долгожданный суд, а пародия на правосудие, заточившая крестного Гарри, будет отменена под воздействием Веритасерума на них обоих. Ему бы передали опеку над крестником, и Сириус сделал бы все, чтобы улучшить жизнь младенца, выполнив, наконец, свое обещание оберегать и защищать Гарри, данное Джеймсу, когда они с Бродягой были молоды. Внутренний голос, постоянно нашептывавший о том, что Сириус был бы не в состоянии отвечать за подростка, усиленно игнорировался и заталкивался обратно в подсознание.

Нет, вопреки ожиданиям, крыса сбежала, и Сириус был вынужден продолжить свое шаткое существование, скрываясь, прячась, избегая властей как Нежелательно лицо №1 в волшебной Британии, отчаянно пытаясь быть полезным не только Гарри, но и всей оппозиции войск Волан-де-Морта. Его вынужденное убежище начинало серьезно действовать на нервы, и без того потрепанные общением с Дементорами.

Он почти не заметил, как прошел первый месяц его свободы, намереваясь защищать крестника и тратя время на то, чтобы предать Петтигрю правосудию. И хотя вторая часть плана в итоге оказалась провальной, первая все еще стояла в приоритетах. Сириус по наставлению Дамблдора отправился в безопасное место, чтобы излечиться и прийти в себя. Его пребывание на одном из островов Тихого океана действовало на Бродягу успокаивающе, но последующее возвращение в Британию в связи с участием Гарри в Турнире Трех Волшебников, снова обрекло его на пребывание в бегах. Не в состоянии покинуть Гарри, на долю которого выпали испытания Турнира, Сириус вновь решил вернуть свою анимагическую форму. Он скрывался в пещере рядом с горами, недалеко от самого Гарри, чтобы в случае необходимости воспользоваться своим местоположением. Чтобы удостовериться в том, что его близкое присутствие даст мальчику чувство уверенности в разрушительном турнире, если что-нибудь случится. Разрываясь между пребыванием в пещере ради Гарри и поездками на Площадь Гриммо с целью просмотреть старые бумаги Джеймса, которые могли бы помочь Гарри и узаконить Сириуса в качестве опекуна (пусть это и не будет известно общей массе), Сириус был рад тому, что он, наконец, нашел себе занятие. Его собственные проблемы отошли на второй план и, в большинстве своем, оказались забыты.

Тем не менее, когда проблемы Гарри были решены, Сириусу пришлось вернуться на Площадь Гриммо, и на этот раз от ужасного старого дома не было никакого спасения; хотя Бродяге было бы гораздо комфортнее вернуться в Тихий океан и осесть на пляже, Дамблдор предостерег его от этого поступка. Волан-де-Морт вернулся, и хотя официальная версия Фаджа это опровергала, Министерство было начеку, контролируя все миграционные въезды и выезды. Это – и еще то, что Министерство активизировало поиск Сириуса в пределах Британии – означало, что дом на Площади Гриммо стал его новой тюрьмой, более строгой, чем Азкабан.

Худшим во всей этой ситуации было то, что Сириус чувствовал свою бесполезность, которая пронизывала все его существование. Он хотел – ему нужно было быть полезным своему крестнику. Обещание, данное Джеймсу сразу после рождения маленького Гарри, осталось невыполненным, разрушенное спонтанным решением Сириуса преследовать Хвоста вместо того, чтобы заботиться о Гарри и исполнять свой долг. У него не было возможности проверить, бросили бы его в Азкабан за предательство Джеймса и Лили как раньше, без всякого суда и следствия. Но, по крайней мере, теперь он был бы более последователен в своих речах, чем молодой Сириус, закованный в наручники и увезенный прежде, чем он узнал, что случилось. Он уже потерял Гарри однажды, но решил для себя, что этого больше не повторится.

Гарри – какая-то часть его крестного была поражена тем, что они так близко сошлись за такое короткое время. Приключение в конце третьего курса Гарри выковало настоящую цепь, связывавшую их: связь, которая могла появиться только в стрессовой ситуации, и ограниченное время их пребывания наедине друг с другом, которое только усилило их отношения. Глядя на крестника, Сириус мог только удивляться его сходству с родителями. В нем были отзвуки Лили – глаза, которые являлись предметом для обсуждений, слишком явно напоминая о его матери, – но в остальном он был сыном своего отца. Замените зеленые глаза Лили на карие глаза Джеймса, и Сириус едва ли смог бы различать Джеймса и Гарри.

По характеру, тем не менее, Гарри был больше похож на маму. Лили была вдумчива и прилежна, спокойна до тех пор, пока ее не провоцировали, а затем становилась настоящим ураганом – бурным в моменты ярости, но быстро успокаивающимся, когда ярость выплескивалась. И хотя Гарри не был таким уверенным, как его мать, его спокойная натура интроверта была очень похожа на характер женщины, которую знал Сириус. Джеймс же, напротив, был дерзкий и самоуверенный, даже будучи одиннадцатилетним мальчиком быстро ставший злым, что помогло ему в дальнейшей карьере Мракоборца, и если быть честными, некоторые его хулиганские замашки с возрастом и опытом все-таки исчезли. Иными словами, ничего общего с его спокойным сыном. Хотя Сириус подозревал, что последствия поведения Гарри кроются в его общении с родственниками-магглами. Сама мысль о противных Дурслях заставляла Сириуса яростно сжать кулаки. Если бы он мог хоть что-нибудь сделать, отъезд Гарри из их дома в конце этого лета стал бы последним в истории его общения с Дурслями.

Зная, что его злость ничего не разрешит, Сириус заставил себя успокоиться, и разум вернулся к старым мыслям. Другим крупным игроком в жизни Лили и Джеймса был некий темный и задумчивый зельевар. Сириус знал, что большинство проблем Джеймса со Снеггом – и их последствия – происходили в значительной мере из-за разницы в их характерах и отношении друг к другу. Снегг был немедленно оценен Джеймсом как высокомерный Чистокровка (если быть откровенными, такое определение можно считать предельно искренним). Когда они были детьми, Джеймс прозвал Северуса «сальной головой» и социопатом (и в этом смысле Джеймс

был абсолютно корректен). Между этими двумя сразу пробежала нехорошая искра, а вражда между Гриффиндором и Слизерином лишь распалила ее.

Если бы не Лили – с которой Снегг познакомился еще до зачисления в Хогвартс – возможно, между двумя мальчишками не было бы ничего, кроме обычной неприязни (а так она вылилась в полномасштабное противостояние и быстро расцветшую ненависть). И хотя сначала Лили отталкивало поведение и высокомерие Джеймса, он довольно быстро справился с ее недовольством и даже немного изменился внутренне, не только для того, чтобы произвести впечатление на Лили, но, в первую очередь, – он говорил об этом Сириусу несколько раз – потому что так было надо для него самого. И эти изменения действительно сделали его лучше: он стал более старательным, более благосклонным к остальным и более миролюбивым – таким, каким он был на самом деле. Он также стал еще более лучшим другом – истинным лидером, каких мало видел Сириус.

Его изменения, конечно, не могли не отразиться на их взаимоотношениях с Лили, и на четвертом году знакомства эти двое стали почти неразлучны; Лили, хоть она и была слишком прилежной и правильной для шалостей их компании, все же стала неофициальным членом их группы, сойдясь с мальчишками почти так же близко, как с самим Джеймсом. Сириус даже был влюблен в эту красивую молодую ведьму, но знал, насколько близки Лили и Джеймс – и надеялся, что в ее жизни никогда не будет человека, способного заменить Джеймса – он сразу решил для себя, что не будет страдать от неразделенной любви. Вместо этого он контролировал свои чувства и старался быть счастливым и для Лили, и для Джеймса: в противном случае между парнями пробежала бы трещина, а соперничество и горечь растворили бы их священную дружбу.

К сожалению, главным последствием дружбы Джеймса и Лили стало ее отдаление и, в конечном итоге, отчуждение от друга детства. Сказать, что Снеггу не приносила удовольствия близость лучшей подруги и худшего врага, значило бы приукрасить эту ситуацию; между Лили и Снеггом было много разногласий и открытых противостояний. И больше всего Сириус боялся того, что между ним и Джеймсом случится то же самое, что между Лили и Северусом – к середине пятого курса два бывших друга с разных факультетов совсем не признавали друг друга. Очевидно, Снегг винил Джеймса в потере лучшего друга (некоторые особо циничные члены их компании добавляли – единственного друга), накапливая свою горечь и враждебность.

Без сомнений, это привело к возросшей напряженности в отношениях между двумя врагами, и открыто враждебное и мстительное поведение Снегга относительно Джеймса отражалось Мародерами. Апогей их противостояния пришелся на шестой курс, когда преподаватель Защиты от темных сил, работавший всего несколько недель, имел неосторожность поставить их в паре во время учебной магической дуэли. Неудивительно, что по классу в тот момент пролетели взаимные оскорбления, некорректные заклинания и другие элементы, свидетельствовавшие о тотальной битве двух давних врагов. В результате занятия обоих парней разместили в Больничном крыле. Тогда в игру вступил Дамблдор, отведя Джеймса и Северуса в сторону и недвусмысленно намекнув о том, что их соперничеству в Хогвартсе совершенно нет места – любая стычка между ними приведет к значительным последствиям, включая исключение из школы.

Их отношения после случившегося могут быть охарактеризованы как Холодная война – они не

расслаблялись в присутствии друг друга, а преподаватели больше не ставили их в пару и не оставляли парней наедине, чтобы ни случилось (вообще, преподаватели никогда не рисковали оставлять студентов Гриффиндора и Слизерина без особого надзора). Все было довольно статично до тех пор, пока в конце седьмого курса стало очевидно, что Снегг принял Темную метку. Сириус и Римус долго обсуждали это, а потом как-то раз зажали Снегга в углу перед началом Комендантского часа, не сообщив ни Джеймсу, ни Лили о своих намерениях. Последствием опасного пересечения с Мародерами стал ультиматум для Снегга, согласно которому он должен был держаться подальше от Лили и Джеймса – без попыток контактировать с ними или атаковать их, если служба новому хозяину заставит использовать Непростительные заклинания. Воспоминания о том, как трясся Снегг в темном коридоре, когда они покинули его, до сих пор сидели в голове Сириуса, даже по прошествии десяти с половиной лет.

После их разговора Снегг усиленно избегал Мародеров, однако, хоть этого и невозможно было доказать, Сириус подозревал, что Мистер Сальная голова каким-то образом приложил руку к предательству Джеймса и Лили. Бродяга не знал, мог ли Северус как-то завербовать Питера или просто слил Волан-де-Морту информацию, которая сыграла решающую роль в стремлении Темного Лорда уничтожить Поттеров, но воспоминания о Снегге в последний день их обучения не покидали пределов разума Сириуса. Выражение лица Сальной головы в тот момент стоило любой мести. Северусу смогут помочь только небеса, если Сириус когда-либо узнает о его причастности к смерти друзей – сам Мерлин не смог бы спасти Снегга от ярости Блэка.

Звучный бой курантов прервал размышления Сириуса – Бродяга встал и потянулся. Хоть он и пожертвовал старым особняком на нужды штаб-квартиры Ордена Феникса (основными ее жителями были, конечно же, он сам и Клювокрыл), кроме регулярных встреч членов Ордена, ничего не прерывало уединенных размышлений Сириуса. Иногда кто-нибудь все же останавливался в его доме по некоторым причинам. Блэк обычно не интересовался, кто эти люди и что им нужно, покуда случайные гости прерывали монотонность жизни хозяина дома.

Напоследок потрепав Клювокрыла по голове, отчего тот тихо рыкнул, Сириус вышел из комнаты и спустился в коридор на первом этаже. Его небольшое путешествие сопровождалось припадками нарисованной матери, в очередной раз ругавшей его за «неудачный» выбор, но Сириус лишь нахально улыбнулся и бойко перевернул ее. Только в тишине он понял, как хорошо, что мать оставила свой след на картине, избежав воплощения в виде привидения, летая за Сириусом до тех пор, пока он не скончается от апоплексического удара. Улыбаясь самому себе и думая о том, что было бы неплохо стукнуть мать нарисованным носом о стены, Сириус вошел в гостиную, в которой находился камин.

Он сразу догадался, что случилось нечто плохое. Хоть Дамблдор частенько появлялся на Площади Гриммо без предупреждения, на этот раз он не улыбался добродушной улыбкой старика, а глаза не сияли, как прежде. На его лице застыло напряжение и крайняя озабоченность.

- О, Сириус, я уж, было, собирался идти за вами, - поприветствовал его Дамблдор, упав в одно из кресел. Его ссутуленные плечи и уставшая поза, в обычное время чуждые старому волшебнику (не по годам активному), выдавали его изнеможение.

Сириус еще немного понаблюдал за Дамблдором, а затем последовал его примеру и тоже сел, внутренне готовясь к худшим вестям от обычно подвижного и невозмутимого мужчины.

- Что случилось, Альбус? Я предполагаю, это не рядовой поход в гости.

Дамблдор покачал головой и сжал пальцами переносицу, лишь вздохнув в ответ:

- Я бы хотел просто провести тебя, но, увы... Боюсь, это только начало.

- Что-то с Гарри?

Дамблдор невесело усмехнулся, заставив Сириуса перебрать в голове все, что хоть как-то касалось Гарри. Он был ходячим эпицентром, настоящим магнитом для проблем – что доказывало его обучение в Хогвартсе – вне зависимости от того, находился ли он в момент неприятностей один или с кем-то.

- Да, Сириус, ты сделал верное предположение. Последние несколько часов я провел на внеочередном собрании Визенгамота, в попытке изменить решение министра об исключении мистера Поттера из Хогвартса.

- Исключение из Хогвартса? – Сириус явно был ошеломлен словами Дамблдора.

- Все же я убедил их выслушать интерпретацию всей истории от самого Гарри, хоть это было нелегко и задействовало все политическое влияние, которое у меня осталось.

- Думаю, вам лучше вернуться к началу, Альбус, - ответил Сириус, до сих пор не имевший ни малейшего представления о том, почему министерство покусилось на обучение его крестника в Хогвартсе. – Что произошло?

Снова вздохнув, Дамблдор посмотрел на Сириуса. Его поведение не сулило ничего хорошего.

- Случившееся касается юного Гарри и того мальчика, который приходится ему кузеном. Сегодня днем на них напали Дементоры.

Сириус ожидал чего угодно, но только не упоминания о Дементорах:

- Дементоры? В Литтл Уингинге?

- Боюсь, что так, Сириус, - подтвердил Дамблдор.

- Он в порядке?

- Гарри в порядке. Ты сам видел его Патронус. Два Дементора против этого волшебника – детское развлечение.

- Всего два? – Дамблдор не отвечал, поэтому Сириус продолжил. – Но почему? Как им удалось уйти так далеко от Азкабана?

- К сожалению, я ничего не могу ответить на это, Сириус. Меня вызвал Артур Уизли сразу после случившегося – он получил письмо от Департамента магического правопорядка с обвинением Гарри в Незаконном использовании магии. Я немедленно отправился в Литтл Уингинг и лично поговорил с Гарри. Он и его кузен подверглись нападению двух Дементоров, но Гарри отразил их атаку и помог Дадли вернуться домой. Хотя наш друг и не пострадал от встречи с Дементорами, его кузен сейчас находится не в лучшей форме.

- Что было потом?

- Я отправился в здание Министерства, но уведомление уже было отправлено.

- Я полагаю, это не лучшее, что могло произойти? – нахмурился Сириус.

- Стандартная процедура, – пожал плечами Дамблдор. – Так как это уже не первый инцидент с магглами при участии Гарри, случившееся сегодня считается повторным преступлением. Он должен был быть задержан и немедленно лишен палочки.

- Без суда и следствия?! – Сириус был в ярости – Министерство так обходилось с его крестником, а он ничего не мог с этим поделать. – Но ведь использование магии для спасения жизни оправдано Статутом. Как может Министерство быть таким глупым?

- Это не столько глупость, сколько сознательная глупость. Министр Фадж, при всей его мудрости, решил, что Волан-де-Морт «просто не может воскреснуть», и прореагировал на назревающую угрозу проверенным методом – спрятал голову в песок вместо того, чтобы попытаться разобраться в том, что Гарри говорит правду.

Молча кивнув, Сириус все же продолжил:

- Я знаю, что Фадж игнорирует возвращение Волан-де-Морта, но что насчет Дементоров? Чем он может объяснить их присутствие в непосредственной близости с магглами?

- Он объясняет это просто. Дементоры контролируются Министерством и поэтому не могут находиться настолько далеко от Азкабана. Получается, что Гарри врет, и должен быть наказан.

- Но Патронус, Альбус! Это не простое заклинание левитации или превращение кузена в свинью. Чем министерство объясняет использование такого сильного, специфического заклинания?

- Департамент не учитывает специфику заклинания – в предупреждении указывается лишь сам факт использования магии вне Хогвартса и личность человека, нарушившего это правило. Иногда бывает так, что у суда появляются вопросы, точного ли адресата нашло обвинение. Ты наверняка слышал об инциденте накануне второго курса Гарри? – увидев кивок, Дамблдор продолжил. – Если Департамент предъявил обвинение Гарри, хотя на самом деле виноват был эльф-домовик, это ставит под сомнение всю министерскую систему опознания. После того случая я пытался понять, что лежит в ее основе, но мне было отказано в исследовании системы. Возможно, в определенный момент жизни мне надо было согласиться работать в Министерстве. Иногда я думаю об этом...

Заметив, что Директор уходит в себя, Сириус решил вернуть его в реальность, к насущным проблемам:

- Что насчет свидетелей?

- Только Гарри, Дадли и сквиб, которого я попросил присматривать за Гарри. Ты же знаешь, что их показания обычно игнорируются. Если они вообще вызываются для дачи показаний. Фадж, похоже, решил ликвидировать и дискредитировать любого, кто посмеет противоречить ему в вопросе о возвращении Волан-де-Морта, и, к огромному несчастью, Гарри – единственный человек, который присутствовал при его воскрешении, - лицо номер один в этом списке.

Сириус всматривался в лицо Дамблдора.

- Я знал, что Фадж не очень хорош, Альбус, но не думал, что настолько. Что он творит?

- Фадж – неплохой министр на мирное время, но он полностью непригоден для правления в условиях военных действий, - ответил Дамблдор. – Он утверждает, что возвращение Волан-де-Морта невозможно, и последние несколько недель тратил на то, чтобы подорвать доверие Визенгамота и Международной Конфедерации Волшебников моей персоне, усиленно отказываясь увеличить штаб Авроров, заморозить активы известных Пожирателей Смерти или сделать что-либо не менее полезное. Мы стоим на пороге войны – только то, что Волан-де-Морту нужно набрать мощь, объясняет тот факт, что Министерство до сих пор не захвачено.

- А что Визенгамот? Неужели они не могут противостоять законодательной ветви правительства?

- К сожалению, Визенгамот находится во власти противоборствующих группировок и в любом случае, в массе своей, контролируется Чистокровными волшебниками. Ты знаешь, на чьей они стороне. Грядет конфликт, Сириус.

Сириус и сам это прекрасно знал. В последней войне, когда лишь немногие ультраконсерваторы скрыто поддерживали Волан-де-Морта, их склонности все же были очевидны. Властная Чистокровная фракция была заинтересована, главным образом, в трех вещах – защитить свои позиции, сохранить кровную чистоту и приумножить богатство.

Фракции, которые соперничали с ними, не могли называться настоящими чистокровными волшебниками по причине их брачных связей вне ядра настоящего Чистокровного общества и были представлены семьями наподобие Поттеров – тоже старые, властные и богатые династии, но запятнанные магглорожденным дном общества или Полукровками, что было ненамного лучше.

Зная, тем не менее, что баланс сил в Визенгамоте сейчас для него не актуален, Сириус вновь обратил внимание на Директора, перебирая в голове мысли и неполноценные планы на будущее крестника. Он не знал, выльются ли тенденции магической Британии в неблагоприятную обстановку вокруг Гарри, но вариант отъезда из страны Сириус начал рассматривать уже давно и по другим причинам – в частности, из-за его нелюбви к обществу, которое заперло его в адской темнице, не позаботившись о восстановлении истины.

- Что будет с Гарри? Есть способ спасти его?

- Мое влияние на Визенгамот уменьшилось, но не исчезло. Мне удалось добиться отсрочки исключения Гарри до слушания в суде.

- Звучит хорошо, Альбус, но Визенгамот не похож на дружелюбное место. Каковы шансы Гарри?

- Сложно сказать, - ответил Дамблдор, встав и соединив ладони. Его пальцы оказались сложены домиком перед морщинистым лицом, пока он обдумывал дело до конца. – Я постараюсь добиться справедливости – когда я рассказал Визенгамоту, что за заклинание вылетело из палочки Гарри и по какой причине, даже некоторые представители фракции Чистокровных согласились, что ему нужно дать высказаться, прежде чем суд вынесет обвинительный приговор. Отчасти потому, что мысль о Дементорах, шляющихся там, где их по определению не должно быть, беспокоит всех, независимо от политических предпочтений. Надеюсь, у меня все еще достаточно влияния, чтобы избежать наказания для Гарри, но это может оказаться и моей иллюзией.

Сириус откинулся в кресле, рассматривая Дамблдора и пытаясь понять, насколько он уверен в том, что говорит.

- Мы говорим о Гарри, Альбус. Я не знаю, почему Волан-де-Морт преследует его с такой целеустремленностью, но я знаю, что если у Гарри отнимут палочку, он станет слишком легкой добычей. Мы должны быть уверены в том, что сможем обеспечить его свободу, прежде чем действительно ее обеспечим. Когда ты поведешь его на слушание в Министерстве, помни о нашей цели – если он будет признан виновным, они сломают его палочку и лишат магических прав прямо в зале суда. Ты уверен, что сможешь убедить их?

- Увы, мой дорогой мальчик, я ни в чем не уверен, - ответил Дамблдор, глядя себе под ноги. – Но я верю в конечную правоту нашего дела и в то, что завтра будет новый день.

- Возможно, самое время отправить Гарри подальше от Англии.

Его голос прозвучал тихо и очень серьезно, а услышанное заявление заставило Дамблдора по-настоящему удивиться и снова сесть, выдав ошеломленное выражение лица. Тем не менее, он бы не получил звание могущественного волшебника и не был бы известен как проницательный политик, не обладая железной выдержкой – он моментально взял себя в руки и озабоченно посмотрел на Сириуса:

- Что ты имеешь в виду, Сириус?

- Местная политическая ситуация больше не благоприятна для Гарри, если вообще когда-либо была таковой, - пояснил Сириус, сосредоточенно глядя на Дамблдора, убедившись, что он понял серьезность слов Блэка. – Я думаю, настало время избавить его от этого общества. Для его же блага.

- И куда ты предлагаешь его отправить?

- Разве это имеет значение? Везде будет лучше, чем здесь. Мы можем переместиться хоть на другую часть света, нанять преподавателей, чтобы он смог получить образование... Дьявол, да я сам могу научить его основам.

На какое-то мгновение Дамблдор показался растерянным, пока вновь не обратил свой взор на Сириуса. Было в его взгляде что-то, из-за чего Сириус вновь почувствовал себя студентом Хогвартса, вызванным на ковер из-за очередной шалости. Он вынужден был признать самому себе в том печальном факте, что им редко удавалось доказать свою непричастность к хулиганским проступкам (намного реже, чем доказать обратное) – обычно он и его друзья имели прямое отношение к тому, что происходило в священных стенах Хогвартса.

- У твоего плана есть две слабые стороны, Сириус. Первая – юный Гарри, который завел друзей – очень близких друзей – в Хогвартсе, и я сомневаюсь, что ты сможешь убедить его покинуть их и оставить на милосердное сострадание Волан-де-Морта, в то время как сам мальчик будет отдыхать в безопасном месте.

Он говорил чистую правду. Сириус не учел характер самого Гарри: все же, он был настоящим сыном своего отца.

- А вторая сторона?

- Предположим, мы воплотили твои планы в жизнь, и вы переехали с Гарри в другую страну... Что потом?

- Я не совсем тебя понимаю... - неуверенно ответил он.

- Просто представь: если вы уедете из Британии, вы будете в безопасности несколько лет или даже пару десятков лет. Но что будет, если однажды Англия станет слишком тесной для

Темного Лорда?

- Ты не можешь предполагать, что Волан-де-Морт победит! – сказать, что Сириус был удивлен, значило не сказать ничего.

- Я не предполагаю, Сириус, - я гарантирую это. Гарри – неотъемлемая часть в игре против Волан-де-Морта, и он не сможет выполнить свою роль, если будет скрываться где-нибудь в тропических странах, попивая пина коладу и катаясь на волнах.

Сириус во все глаза смотрел на Директора. Его недоверие выглядело очень странно.

- Ты что-то знаешь, Альбус.

- Ну конечно, знаю, – согласился Дамблдор с апломбом. – Поэтому не вижу смысла продолжать наше обсуждение.

- Альбус, он мой крестник. Я должен знать.

- Будь уверен, Сириус, со временем я расскажу тебе все, что знаю. Но этот разговор должен быть отложен до лучших времен – сейчас у меня есть другие задачи, не требующие отлагательств. Хотя у нас нет иного выхода, кроме как бежать из Англии в ближайшее время, ситуация все еще не критичная. Нам ничего не остается. Надо продолжать игру с надеждой повернуть ее в нашу пользу. У юного Гарри есть миссия, которую он должен выполнить для будущего волшебного мира – и мира всех людей, в целом. Я надеялся задержать неизбежное, чтобы дать мальчику время вырасти и созреть, но, похоже, события выступают против нас, и наше время неуклонно сокращается.

- Отсчет пошел, - проворчал Сириус в ответ. Хотя Дамблдор и был могущественным волшебником и превосходным лидером, у него была привычка недоговаривать и иногда рассматривать окружающих лишь в качестве пешек. Сириус отчетливо понимал, с чем Гарри уже столкнулся и с чем ему только предстоит столкнуться, и пообещал себе сделать все, что от него зависит. Он обязан ради Джеймса. Он обязан ради самого себя.

- Я понимаю. Обещаю дать тебе подробные разъяснения, но сейчас мне придется тебя покинуть.

Дамблдор добрался до Летучего пороха и зачерпнул целую горсть. Но, прежде чем уйти, повернулся к Сириусу:

- Я договорюсь насчет переезда Гарри от Дурслей сюда. Жить там стало небезопасно – Дурсли возмущаются, что близость Гарри едва не стоила жизни их сыну, и потребовали, чтобы он уехал и никогда больше не возвращался.

- Они ведь ничего ему не сделали?

- Пока нет, - подтвердил Альбус. - Я проинформировал его дядю о том, что мы будем искать альтернативное жилье до конца лета, но выбор его нового дома должен быть произведен с особой тщательностью и по возможности скрыт от Министерства.

- Я попрошу Кикимера подготовить комнату для гостей.

- Будь готов ко всему – мир становится слишком опасным местом.

С этим зловещим предсказанием Дамблдор исчез в Каминной сети, оставив Сириуса наедине со своими мыслями.

Он беспокоился о состоянии Гарри после атаки Дементоров, но знал о выносливости своего крестника и был уверен в том, что ему удастся наладить внутреннее равновесие. Больше всего его волновали слова Дамблдора о судьбе Гарри и угроза близкого судебного разбирательства. Если Дамблдору не удастся убедить Визенгамот в невинности Гарри или хотя бы в том, что он действовал ради своего спасения, что их ждет? Что будет, если его постигнет неудача? Чем может помочь сам Сириус?

Мрачная улыбка озарила его лицо: он считал, что найдется иной вариант развития событий. Прошлой весной он буквально упал с неба прямо на колени, когда просматривал старые семейные документы Джеймса: частично ради того, чтобы найти что-нибудь, что мог оставить Джеймс своему сыну, частично – в поисках пути избавления Гарри от участия в Турнире трех волшебников. Его поиски привели к самому поразительному документу, который мог бы навсегда изменить жизнь Гарри и дать ему союзников, в которых Поттер-младший (и единственный) так нуждался. И хотя этот план вынашивался всего несколько месяцев, его воплощение можно было ускорить – нужно было ускорить для того, чтобы помочь крестнику Сириусу уже в ближайшем будущем.

Сириус ощутил укол совести, прекрасно понимая, что имеет очень большую наглость для того, чтобы перевернуть жизнь Гарри вверх тормашками: далеко идущие последствия его действий затронут не только крестника, но и его друзей. Тем не менее, все, что может быть сделано, должно быть сделано ради безопасности Гарри (для Сириуса это было очевидно) – Блэк никогда не сможет простить себе, если хоть что-нибудь упустит, и ситуация пойдет неправильно. Но на данном этапе он не собирался ничего рассказывать Дамблдору – Директор обо всем узнает только тогда, когда дело будет считаться завершенным.

Собрав мысли в единое целое, Сириус развернулся и проследовал по коридору в свою комнату на втором этаже. У него нет права на ошибку – от этого слишком много зависит, если верить словам Дамблдора о роли Гарри в уничтожении Волан-де-Морта. Конечно, Сириус не может помочь собственному крестнику в тех условиях, которые вынужден сейчас принимать, но ведь помочь могут и другие люди.

Добравшись до комнаты, Сириус немного порылся около старого дубового стола, пока, наконец, не нашел и не активировал устройство, которое искал – старое Зеркало связи, сконструированное им и другими Мародерами много лет назад для того, чтобы держать связь

во время летних каникул. Конечно, это применение зеркала было далеко не единственным (о чем Сириус подумал с улыбкой) – его ценность для розыгрышей была неизмерима.

Мгновение спустя, в зеркале появилось чье-то лицо:

- Рад тебя видеть, Сириус, - приветствовал его незнакомый мужчина, чье лицо осветилось дружеской улыбкой. – Чем могу быть полезен?

Его голос был мягким, но в то же время мелодичным и глубоким; акцент был понятен и даже незаметен до тех пор, пока кто-нибудь не сказал бы о его наличии. Он был из разряда строгих, но привлекательных мужчин, уверенных в своих силах и в высшей степени компетентных. Они были знакомы всего несколько месяцев, а Сириус уже разглядел в нем союзника и потенциального друга. Бродяга связался с ним, обнаружив некоторые документы, и этот человек, к его великой чести, выслушал доказательства невиновности Сириуса, в то время как соотечественники Блэка не желали с ним связываться. Короткая встреча, порция Сыворотки правды, – и этот человек больше не сомневается в невиновности Сириуса и даже строит план действий, направленных на реабилитацию Бродяги.

Но их нынешняя встреча касалась содержания документов, которые сейчас представляли для Сириуса особый интерес. Эти документы были важны сразу по нескольким причинам, и его напарник был заинтересован в том, чтобы они вступили в законную силу, не говоря уже о том, что сам Сириус чувствовал свою вину перед Гарри из-за своей тухлой деятельности в предыдущие годы. У них есть все основания для того, чтобы быть уверенными в свободе Гарри и, возможно, обвести вокруг пальца самого Корнелиуса Фаджа.

- Нам надо поговорить, Жан-Себастьян. Кое-что произошло.

- Я предполагаю, у тебя нет хороших новостей? – немного помолчав, спросил новый приятель Сириуса.

- Это еще мягко говоря, - фыркнул Сириус. – Сегодня на Гарри напали Дементоры. Нам нужно ускориться.

На мгновение глаза Жана-Себастьяна полыхнули яростным огнем, но он довольно быстро успокоился.

- Ваше государство, кажется, делает все, что возможно, чтобы сделать жизнь Гарри трудной и, вдобавок, опасной.

- Согласен. Но я верю в то, что мы сможем сделать это нашим преимуществом.

- Надеюсь, ты как можно скорее посвятишь меня в свои планы, - протянул он с недоумевающе поднятой бровью.

Сириус усмехнулся в ответ, прокручивая в голове события дня. Они потратили несколько часов на сложные обсуждения, построения, определения, планирования их дальнейших действий. Ночью, когда Сириус наконец ложился спать, на его лице играла довольная улыбка – он сделал все, что мог, и все, что задумал, чтобы помочь Гарри. Неплохое начало.

За несколько сотен миль от Лондона незнакомый мужчина деактивировал Зеркало связи и опустился в кресло с высокой спинкой, невидящим взглядом осматривая стол перед собой. Информация, которую предоставил ему Сириус, многое меняла. Он понимал, что то, что они хотят сделать, значительно улучшит ситуацию, но какая-то внутренняя часть его понимала, что другие могут быть удивлены таким решением. В конце-концов, именно эти «другие» примут на себя основные последствия его действий. Другие – не он.

Вздохнув, он наклонился вперед и подпер руками подбородок, размышляя о мировой несправедливости. У него был огромный соблазн пустить это дело на самотек как чисто Британскую проблему, но принять настолько слепую позицию значило бы нанести ситуации еще больший вред. Текущее будущее захваченного государства омрачалось заново родившимся Волан-де-Мортом, способным выйти за пределы Англии, и Министерством, не предпринимающим никаких попыток, чтобы противостоять Темному Лорду. Будущее Англии, или даже целого мира, находилось в руках одного парня – парня, которому Жан-Себастьян только что пообещал помочь, зависит это от него или нет.

Кроме того, у него был небольшой долг перед Гарри Поттером, который невозможно было забыть или проигнорировать. Он по-настоящему обязан Мальчику-Который-Выжил – обязан приложить все свои усилия и задействовать все возможности, чтобы спасти юношу.

Зная, что у него нет выбора, Жан-Себастьян вздохнул и позвал своего помощника – эльфа-домовика. Им было, к чему готовиться.

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1263398>